

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР. 12-13

СОВЕТСКИЕ АКТЁРЫ И АКТРИСЫ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЛИ РОЛИ «ПО БЛАТУ»

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№11 (11)
АВГУСТ 2020

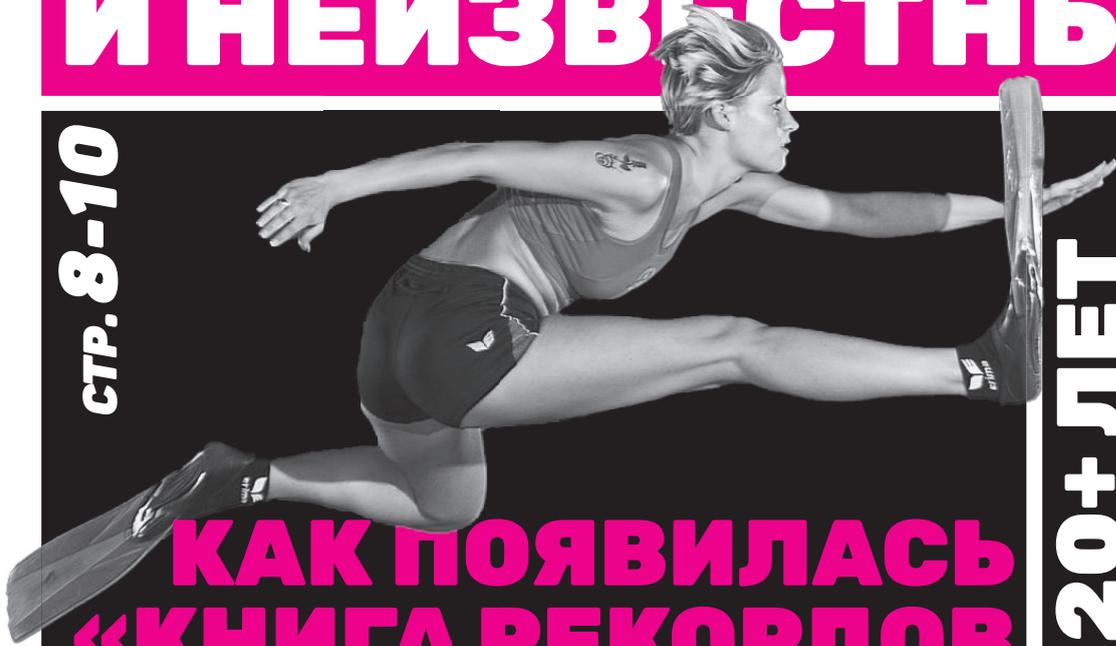
БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

СТР. 14-15

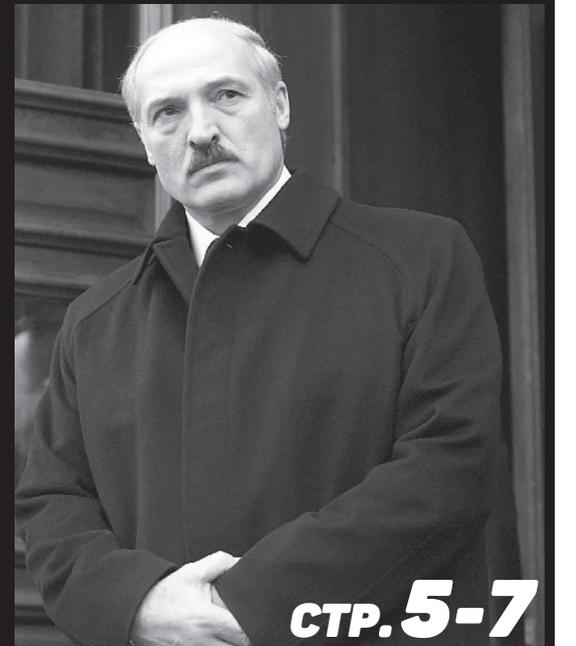

СТР. 8-10

КАК ПОЯВИЛАСЬ «КНИГА РЕКОРДОВ ГИННЕСА»

20+ ЛЕТ У ВЛАСТИ: АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО

СТР. 5-7

Беседовал Геннадий НОРД

Поэтические книги Николая Шамсутдинова невозможно так, между прочим, перелистывать на бегу и с очевидной беглостью. Нет! Откроешь его книгу и... поразишься: настолько виртуозно его владение словом, настолько сложнейшая и зачастую мужская рифма способна запасть в память, как и способность его в явлении, в движении, в мгновении увидеть и запечатлеть Вечность, в одной буквально строфе объять тысячелетия, что остаётся теряться в предположениях: а как ему всё-таки это удаётся?

Он — поэт философской складки, очевидный, без иронического подтекста, мудрец, не побоюсь этих слов — живой классик.

Род Шамсутдиновых восходит, смею считать, к древнему индийскому роду Синдж, отпрыск которого в IX веке очутился волею судьбы в Хорезме, где у него родилось двое сыновей — Габдаллах и Шамс («солнце» — в пер. с арабского) Он-то, Шамс, в свою очередь, получил добротное по тем временам образование, направил стопы свои ко двору балтавара (правителя) Великой Булгарии Айдара (в районе современной Тамани), который, учитывая высокий образовательный уровень юноши, ввёл его в круг придворных, назначив своим личным секретарём.

вышла одна из первых моих книг «Прощание с юностью» — тиражом в 35 тысяч экземпляров и удивительно быстро разошлась. Но что значили 35 тысяч книг для огромной страны? Отмечу, что книга не залежалась на прилавках, не в пример многим иным! И это можно было назвать явлением.

Словно обладая оголённой нервной системой, поэзия стремится к максимальному самовыражению автора, который как бы дистиллирует свои ощущения, мысли, чувства в целостную картину...

— Вы подводили итоги своей работы в литературе?

— Творческий багаж мой довольно весом, и не только в аспекте фактического объёма всего написанного за сорок с лишним лет работы в литературе, но и в аспекте внутреннего, эволюционного развития свойств, качеств, и прежде всего — творческих, заложенных природой в душе, характере Вашего собеседника.

Что ж до итогов, то подводить их будут, как истари ведётся, без меня. Надеюсь (улыбается)... Тем не менее, на сегодняшний день мной издано более 50 книг, предпоследние 10 вышли в США и ещё книга философской лирики с переводом стихов на немецкий язык «Пир для интерпретаторов» в Германии (январь 2020), около 400 стихотворных циклов, очерков, переводов опубликовано в разного рода журналах, альманахах разных стран мира.

ПОЭЗИЯ КАК ВЕКСЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

Николай Шамсутдинов — известный и неизвестный

Вскоре у Шамса родился сын Михаил Шамси ибн Башту (т.е. уроженец Киева, который под названием города Киоба фигурирует в византийских летописях как столица Великой Булгарии, построенная по приказу балтавара царства кагана Кубрата), впоследствии автор замечательной, великой поэмы «Шанкызы дастаны», одного из немногих не уничтоженных варварами, а дошедших до наших дней памятников болгарской культуры.

Услышав эту поэму на свадебном пиру грузинской царицы Тамар и сына князя А. Боголюбского в исполнении князя Рыштвалы, друга безвременно погибшего Михаила Шамси, рыцаря Шота, сопровождавший царицу, был восхищён этой поэмой до такой степени, что взял себе родовое имя князя Рыштвалы и по мотивам поэмы Михаила Шамси «Шанкызы дастаны» создал свою поэтическую версию, в которой сохранил фабулу болгарского произведения и многие имена героев поэмы. Имя же Рыштвалы с течением времени трансформировалось в имя Руставели, чья версия болгарской поэмы Михаила Шамси ибн Башту «Шанкызы дастаны» стала известна под названием «Витязь в тигровой шкуре».

Послужной список Николая Шамсутдинова значителен: он — автор 53 книг, обладатель многочисленных международных литературных премий, член многих писательских союзов, в том числе Международного ПЭН-клуба и почетный член

Союза Писателей Северной Америки. Впрочем, это далеко не всё и, наверное, не самое главное. Главное — стихи.

— Как Вы думаете, нужна ли современникам поэзия?

— С позиции человека с достаточно скептическим взглядом на современность, именно в наше время в поэзии, казалось бы, особой необходимости-то и нет — люди благополучно обходятся без неё. Литература, её более благополучный жанр, проза, имеет свое прикладное значение в качестве определенного чтения. А, судя по предпочтениям читателей, как можно более облегченного характера — детективы, фантастика, то, что захватывает воображение, интригой держит читателя в напряжении.

На мой же субъективный взгляд, поэзия с ее фиксацией душевных состояний, переживаемых нашими современниками, с полным основанием можно уподобить своеобразной лирической кардиограмме, отражающей в пиках своих и западаниях психологические перепады человеческого, нелегкого в критических ситуациях, бытия. Современному автору должно воспитывать остроту своего поэтического взгляда, не отвлекаясь на выбор — «высокого» или «низкого» ранга предмет, избранный им не только для изображения, но и для одушевления бытия этого предмета.

«Эстетика — этика будущего...», — прорицал на заре XX века Максим Горький.

Эстетика поэтического слова заключена, прежде всего, в наполнении нашего с вами языка не только яркими образами, зачастую, добротными, непременно жизнеобеспеченными метафорами, яркими, западающими в память эпитетами, но и глубокими мыслями, приглашающими читателя разделить авторские рефлексии.

Я неизменно обращаюсь к словам Аристотеля о том, что любого человека можно научить достаточно пристойно рифмовать (оказывается, в античности умело рифмовали), выдерживать стихотворный размер. А вот научить владеть метафорой невозможно — сие от Вышних сил.

До сей поры помнится, как в 1980 году, на Днях Маяковского в Грузии, Евгений Евтушенко, представляя меня огромной аудитории в Тбилисском театре, предложил прочесть стихи о Сибири своему земляку, «автору гениальных образов в одном стихотворении».

— Есть ли преимущества у поэзии перед прозой?

— Маловероятно... Проза, в силу своей в большинстве случаев содержательной и лексической доступности, обладает гораздо более широкой читательской аудиторией... В Советском Союзе тиражи прозаиков достигали порой цифры в миллион экземпляров, в то время как поэзия пробавлялась тиражами незаслуженно тощенькими. В начале восьмидесятых в издательстве «Молодая гвардия»

— Бывали ли в Вашей жизни казусные ситуации?

— Их было предостаточно. Но — оставлюсь на одной: в своей телепрограмме критик И. Золотусский вел речь о Владимире Набокове — великольном прозаике, утончённом стилисте, издавшем в начальную пору своей жизни за границей первую книгу прозы под псевдонимом Сирин. Когда Иван Бунин, сам, в свою очередь, непревзойденный стилист, один из столпов «орнаментальной прозы», прочёл егоopus, то был он настолько ошарашен, что без обиняков назвал Набокова «чудовищем». И тут же память моя провела своего рода параллель с одним из многочисленных выпадов в мой адрес, когда в популярном питерском журнале, после появления юбилейной подборки моих стихов в нём, некто из доморощенных договорился до того (в нём же!), что русский язык якобы противопоставлен мне, как солнечный свет противопоставлен Дракуле. Мне стало весело — демонизируют!

А вот приятные для меня отзвухи.

Классик советской литературы Виктор Петрович Астафьев, написал в предисловии к моей поэме «Покорители» следующее:

«...поэма «Покорители», написанная уверенной рукой, восходит от экологических к общечеловеческим проблемам, ибо нет сейчас более и тревог не всеобщих, не всечеловеческих, внеземных.»

Николай Шамсутдинов и поэт Игорь Иртеньев

Николай Шамсутдинов и актер Олег Янковский

Поэма-боль, поэма-крик, поэма-смятение нашего разума, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей вине и разнужданности все более впадающую в инвалидное состояние».

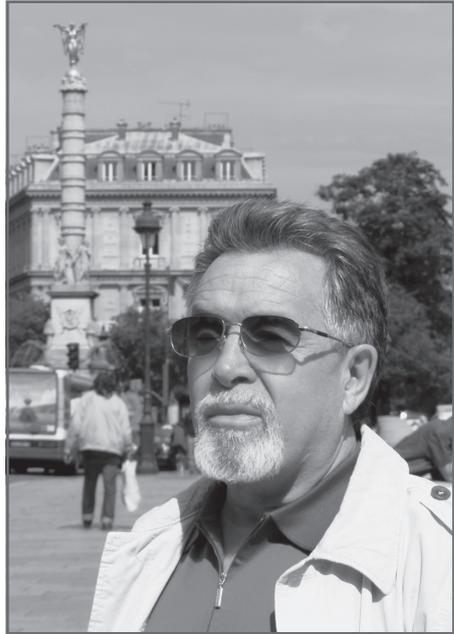
Отзыв народного артиста Российской Федерации Льва Прыгунова достаточно лаконичен, но, тем не менее, содержателен. Не могу удержаться от соблазна привести его:

«Дорогой Николай! Успел прочитать пока только «Бродскому»...»

Улетаю сегодня на спектакль в Новосибирск, прилетаю третьего вечером. Все стихи замечательные, несколько супер шедевров — напишу, когда прочитаю ещё пару раз. Ваши стихи требуют пристального внимания и поэтому больше времени. Я только вчера приехал с дачи, так что по возвращении из Новосибирска я погружусь с головой и в «Транквила» и в Пародии. Спасибо! Ваш Лев»...

Велико искушение продолжить этот ряд лестных отзывов о работе, тем более, что набралось довольно-таки много, но у вас же, наверняка, еще масса вопросов...

—Обычно поэты пишут о музах. Кто или что Вас вдохновляет?

—О музе я часто упоминаю, это слово своё в ряду однорифменных с ней слов: союза, юза, луза, обуза, Руза... Меня, прежде всего, подвигает на работу отнюдь не муза, а элементная внутренняя необходимость работы. Мне уже за 70, и поэтому так остра необходимость хоть в определённой мере воплотить свои замыслы в жизнь, тем более что бытие наше настолько непредсказуемо в убийственных порой сюрпризах, что поражаешься его фантазии.

Мной много наработано — не одна рукопись залежалась в ящиках стола, всё написанное необходимо собирать, систематизировать, готовить к печатанию. Практически готовы для передачи издателю три книги любовной лирики, книга эпиграмм, книга афоризмов, книга стихов для детей.

Впрочем, вопрос-то о музе...

Начну с небольшой преамбулы.

Начну с моего отношения к суровой, нелегкой жизни. Нередко, начиная с детских лет, приходилось отстаивать свою независимость, достоинство кулаками, за жизнь вдосталь нахлебался я неприятностей.

Что скрывать: до сей поры живо у нас в стране пренебрежительное, мягко говоря, отношение к так называемым «татарам». Татар как таковых в стране у нас нет — просто в разгар гражданской войны они двое большевистских деятелей (один из них недоучившийся семинарист) огулом «наградили» наш народ этой кличкой...

Я рассказывал Вам, при каких обстоятельствах мои предки, по воспоминаниям моей мамы Юмабики, покинув захваченную Иваном Грозным Казань, переселились в Сибирь, построив там, в числе некоторых поселений, сёла Шамси и Шамси-Иотртлары, что означает — «Дом Шамси». Оба села, как пишет Хади Атласов, были впоследствии уничтожены.

Что же до Грозного, то он, воцарившись в столице болгарского государ-

ства, присвоил, иначе не скажешь, титул болгарского царя, тем самым непосредственным образом признав именно болгарский, а не татарский генезис нашего народа. Но, тем не менее, тиран приказал сжечь все древние летописи и книги, хранившиеся в мечетях, медресе и у знати, дабы навсегда выжечь из памяти болгарскую историю легендарного царства Великая Булгария.

Не погрешу против истины, сказав, что не было у Руси более благорасположенного, отзывчивого, заботливого соседа, нежели болгары, наши предки, которые всегда стремились прийти на помощь Руси в самые тяжёлые для неё годы. Булгары, будучи умелыми мастерами, ремесленниками, участвовали в строительстве нового христианского

храма в Юрьеве Польском, тесали белый камень для строительства церкви Покрова на Нерли, Владимирских соборов и т.д. Именно болгары, начиная с 1223 года, дважды давали сокрушительный отпор татаро-монгольским полчищам Чингиз-хана, держа, таким образом, «щит между Степью и Русью», не пуская кочевников на завоевание Руси и Европы. И лишь только треть, под водительством Батыя, нашествие, которое болгарские войска встретили в одиночестве, так как русские князья не помогли боевыми дружинами своим же давнишним болгарским родичам, взломало границу Булгарии, а следом за ней — и границу Руси, открыв завоевателям путь на русские и европейские земли.

Выходцы из Булгарии в Русь положили, как отмечают историки, начало едва ли не семидесяти тысячам российских дворянских родов. Назову лишь те, которые до сей поры на слуху у каждого россиянина: Голенищевы-Кутузовы, Шереметьевы, Мусины-Пушкины, Аксаковы, Булгаковы, Татищевы, Келдыши, Гоголи, Тухачевские, Дашковы, Салтыковы, Абдуловы, Апраксины, Аракчеевы, Мичурины, Бунины, Горчаковы, Державины, Кочубеи, Куприны, Нарышкины, Пожарские, Радищевы, Рахманиновы, Романовы, Ростопчины, Хрущовы, Суворовы, Тимирязевы и т.д., и т.п.

Одним словом, сегодня муза моя — это судьба моего многострадального наро-

да, незаслуженно обогнанного и ошельмованного фарисеями от истории, и потому — не отпускает меня горячее желание открыть глаза согражданам на великое прошлое болгарского народа.

—Вы разочаровались в жизни?

—Не полностью, но — во многом... Прежде всего, убийственно то, что социум наш переживает не просто время падения нравов, а — период стремительно обвала тех жизненно необходимых нам духовных, нравственных скреп, назовём их опорами, без которых бытие наше обесмысливается, а мы теряем, элементарно теряем почву под ногами и вследствие этого деградируем. Впрочем, стоит ли об этом? По этому поводу столько копий уже сломано, что грешно повторяться...

С молодых ногтей, как говорится, живёт во мне сострадание ко всему живому на земле, и настолько, поверьте, остра жалость к нашей, сибирской, такой беззащитной, мордуемой «покорителями» природе, что ни убитых зверушек и птишек, ни пинаемых попусту собак на моей совести, по существу, нет... Сказалось, видимо, то обстоятельство, что рос я и развивался в гармонии с поистине девственной северной природой, ещё хранимой о той поре человеком, среди домашней и дикой (птицы, олени) животины. Альтруистические пристрастия мои пришлись и на северные юность и зрелость.

Отсюда и желание помочь человеку, возникающее зачастую внезапно, как проявление некоего благого инстинкта.

И, слава Господу, многим мне довелось помочь: кому-то получить квартиру, либо издать книгу, опубликоваться в периодике или, по дешевой путевке, навеститься в южные Дома творчества...

—Кто Ваш любимый поэт?

—Любимых поэтов у меня нет, я никоим образом не идеализирую. Есть поэты, которых уважаю, ценю.

—Есть ли у Вас хобби?

—Хобби у меня единственное — писание стихов. На западе, кстати сказать, занятие литературой относительно к разряду хобби. Потому-то и сумма авторского гонорара определяется по количеству проданных экземпляров той или иной книги. Эта тенденция, к сожалению, прижилась и у нас...

—Что Вас поддерживает?

—Вера. Я — глубоко религиозный человек... Каждое утро я открываю чтением молитв, в течение часа. И жить стремлюсь по Господним установлениям, среди которых самым главным считаю — сострадать людям, а также не лицемерить, не лгать. Изворачиваются — смерды по духу.

И то обстоятельство, что родился я едва ли не на самой северной оконечности Ямала, сформировало мой характер, сложный, как говорят.

—И, наконец, традиционный вопрос: над чем Вы в настоящее время работаете?

—Вычитываю верстку очередной книги «Арктическая сага». Кроме того, хочу обратить внимание на то, как интенсивно Тюмень — город, в котором я живу много лет — меняет свой облик, как не только «прирастает» новыми микрорайонами, магистралями, уникальной по эстетическим, художественным канонам набережной, но и облагораживает внутренний мир земляков, воспитывает в них гордость за свой город, за судьбу, приведшую к жизни в Тюмени.

Такая вот судьба и диктует мне необходимость создания книги о тех благих переменах, которые Тюмень переживает. В свое время я уже «дебютировал» венком сонетов «Тюмени»...

ВЕНОК СОНЕТОВ — ТЮМЕНИ

Магистрал — пятнадцатый сонет

Тюмени — сотни лет, в ней всё — начало...

*Она — была, но предстоит ей — быть.
Тюмень дерзала, словно пень, сложить —
В ее пазах история дремала.*

*Подспудное в ней что-то назревало:
Грядущему в урманы путь открыть.
Для юных и дерзающих любить
И жизни мало, и пространства мало.*

*Наш город, притяжение сердец,
Тюмень, как встарь, радующая венец:
«Почаще приезжайте на пельмени!».*

*Во неумолчной переключке дней,
Я слышу голос молодой Тюмени...
Ей — сотни лет, и вечность — перед ней.*

Теперь же предстоит на новом качественном уровне предъявить нынешнюю Тюмень читающему миру.

—Спасибо огромное! У меня еще в записной книжке сотня вопросов. Но, видимо, их надо оставить для следующей, надеюсь, скорой нашей встречи.

Николай Шамсутдинов и писатель Наталья Гагарина (США)

